

Марат Валеев

Одноклассники, одноклассницы...

Всё никак не доходили руки написать о своих одноклассниках, с которыми я окончил в 1967 году нашу скромную Пятерыжскую восьмилетнюю школу на северо-востоке Казахстана, недалеко от границы с Омской областью.

Я умудрился остаться на второй год прямо в первом классе, потому что в начале учебного года родители сорвались и зачем-то уехали на Урал. Со мной, конечно, и с моим младшим братом. Но не прошло года, как семья наша вернулась обратно (жизнь на новом месте не заладилась), и я снова пошёл в первый класс, так как на Урале меня в школу почему-то не устроили. К своему удивлению, я вновь обнаружил несколько пацанов, с которыми начинал учиться в том первом классе, — тоже остались на второй год!

Впрочем, в этом ничего необычного не было. Ротация учащихся в нашем классе, как и в других, шла постоянно. Кто-то оставался от класса повыше и переходил к нам, а кто-то, наоборот, отставал от нас. Иногда поступали новички: самый яркий пример тому был Володя Гончаров, поскольку он остался с нами до выпуска. А как-то в наш класс распределили несколько детишек из цыганских семей, которые в шестидесятые поселились у нас в селе в рамках государственной программы переезда этого вечно путешествующего народа на оседлый образ жизни. Но не получилось, и семьи эти однажды снялись и уехали, а с ними, понятно, и незадавшиеся цыганские ученики, и я даже не помню, сколько их у нас было. Учились с нами и юные казахи, но к выпуску по разным причинам в нашем классе их не осталось.

Так вот, в первый класс я пошёл в 1959 году, через четыре дня после того, как мне исполнилось восемь лет. Школа наша тогда ещё не имела капитального постоянного здания и была размещена в двух помещениях. Первый класс занимал бревенчатое здание, когда-то бывшее чьим-то жилым домом на две комнаты — кухню и горницу. Мне до неё было идти совсем недалеко, по-моему, всего лишь через дорогу перейти. Помню и первую свою учительницу, Елизавету Ивановну Катаеву. Остальные классы занимались в помещении побольше и в другом месте. А примерно через год-два у нас появилось уже постоянное новое здание школы, со своей мастерской, с пришкольной

территорией, на которой мы, ученики, высаживали молодые деревья, кустарники, что-то еще и проходили здесь летнюю практику (а в том помещении, куда я впервые пошёл в школу, затем разместили ФАП).

Вот в этой школе я и проучился со своими одноклассниками до выпуска в 1967 году. С той поры прошло уже пятьдесят пять лет! Мне самому пошёл уже восьмой десяток (а если быть точнее, двадцать шестого августа исполнился семьдесят один год). Что ни говори, а это возраст. И, к сожалению, до сегодняшнего дня не дожили девять моих одноклассников, все парни. За них небо пока коптим мы вдвоём с Володей Гончаровым. И потому, я думаю, пришла уже пора посвятить каждому из наших прежних мальчишек и девчонок хотя бы по несколько строк. Ведь мы провели вместе целых восемь лет, а в то время это была половина нашей небольшой ещё жизни! Мы росли на глазах друг у друга, менялись, выросли. Конечно, очень хотелось бы увидеть, какими стали все сейчас. Но иных, как говорится, уже нет, а те далече. К сожалению, нас всех рано разбросало после окончания восьмилетки кого куда, и я о дальнейшей жизни и судьбе многих своих одноклассников мало что знаю.

Итак, начну свои заметки-представления одноклассников в алфавитном порядке.

И тут сразу предо мной виртуально встают в ряд три сестры *Анисимовых* — *Валентина*, *Любовь* и *Людмила*. И хотя сёстры они вроде двоюродные, тем не менее были, конечно же, очень дружны. И все хорошо учились.

Валю я почему-то помню слабо. Она была милой скромницей с длинными косичками, особенно ничем среди сверстниц не выделялась, разве что была повыше немного своих сестёр. Но зато у неё был «влиятельный» родственник — её старший брат Пётр Александрович Анисимов, наш преподаватель географии и истории. Замечательный человек и педагог. Как он увлекался, когда рассказывал нам свой предмет! Мог подолгу говорить о вещах, относящихся к теме урока, но не входящих в учебную программу. И мы до того его заслушивались, что порой не обращали внимания на звонок, извещающий о перемене. Как же была велика моя скорбь, когда, вернувшись из армии, я как-то пошёл на наше сельское кладбище навестить тех, кто ушёл в моё отсутствие (а в селе меня не было три года), и внезапно наткнулся на могилу... Петра Александровича. Поражённый, я не выдержал и тут же расплакался. Стал позже выяснять подробности — сердце, инфаркт. Ему, по моему, было всего сорок с небольшим.

Ещё одна Анисимова — Люба, общепризнанная школьная красавица, умница, отличница. По-моему, не было среди мальчишек того, кто не был бы в неё влюблён. Но как-то так, по-тихому. Люба на моей памяти ни с кем из сверстников не дружила. Да и внимания ни на кого не обращала — некогда ей было, оставаться всё время в отличницах — нелёгкий труд. Став взрослой, Люба вышла замуж за односельчанина немного старше её, работала в детском саду в Железинке. Как-то я даже навещал их, когда находился по заданию редакции в посёлке автобазы, где они и жили. Конечно же, у Любы с Вениамином и дети есть, и внуки, и дай Бог им всем только хорошего!

Люда Анисимова запомнилась мне как очень бойкая и живая такая девочка. Она стала медиком и много лет проработала заведующей фельдшерско-акушерским пунктом села Урлютюб, всего в нескольких десятках километров от родного села. Во время работы в районной газете мне не раз случалось заезжать в Урлютюб и иногда удавалось свидеться с Людой, пообщаться. Она и сейчас живёт в Урлютюбе, и, говорят, её здесь очень уважают — многим она помогла как медик и просто как человек.

Володя Гончаров. Он появился у нас в Пятерыжске с родителями, переехавшими из Белоруссии. Парень очень спокойный, бесконфликтный, легко влился в небольшой коллектив нашего третьего класса. Со временем выяснилось, что Володя обладает замечательным музыкальным слухом и хорошо играет на аккордеоне, увлекается фотоделом. После

выпуска мы все разъехались кто куда: кто — учиться дальше, в средней школе, кто — уже получать какие-то специальности в различных училищах или техникумах. И через какое-то время вновь стали объявляться в родном селе. Володя тоже. И — сенсационно для всех нас — стал работать в пароходстве и ходил по Иртышу на речных судах в качестве рулевого, механика. И не раз случалось, когда его судно проходило мимо родного села, он через громкоговоритель приветствовал земляков, а при случае даже находил повод уговорить капитана бросить якорь и смотаться в село за картошкой для экипажа, ещё для чего-нибудь.

Через какое-то время Володя перебрался жить в Алма-Ату, устроился в таксопарк и бесценно крутил там баранку десять лет, причём — без единого замечания со стороны руководства. Я, когда учился в Казгу, неоднократно навещал одноклассника. А как-то он даже во время моей экзаменационной сессии приютил меня на несколько дней, пока я не перебрался жить в дом отдыха «Каргалинка» (купил путёвку на время учёбы). Мы и сейчас с ним общаемся, и хотя между нами тысячи километров, для современных средств связи это не помеха.

Фёдор Завальский. Запомнился очень спокойным, добрым и отзывчивым пареньком. Правда, не помню, чтобы в школе мы с ним особенно тесно общались, и потому много о нём сказать не могу. Уже зимой 1971-го совпало так, что я только пришёл из армии, а Фёдор приехал в отпуск. Он служил на подлодке и был просто великолепен в своём флотском обмундировании. Мы тогда с ним крепко подгуляли. Фёдор пил не меньше меня, но оказался на удивление крепче и выносливее и сопровождал меня домой. Знаю, что после армии Фёдор работал в Тюмени на судоремонтном заводе, всё у него вроде складывалось хорошо. Но тесное общение с ядовитым топливом, которым заправлялись торпеды на подлодке (а Фёдор как раз этим и занимался во время службы) не могло не сказаться на его здоровье. Он ушёл из жизни в пятьдесят с небольшим лет...

Людмила Кадилова. Её родители дружили с моими, нередко гостили друг у друга. Если бы Люда была парнем, мы бы, возможно, на фоне приятельских отношений наших мам и пап тоже сдружились, а так — нет. Были просто ровные отношения — там, здравствуй, до свидания. И я больше знаю о её старшей сестре Наташе, чем о ней. Тут всё просто: Наташа со своим мужем Вячеславом переехали из совхоза «Советский Казахстан» в Экибастуз, где в это время уже жил я. И, естественно, как земляки, мы не могли не общаться. О Люде же мне известно, что она жила в Алма-Ате и работала в детском саду. Как-то мы с Володиёй Гончаровым в восьмидесятые годы приехали её даже навестить.

Володя говорит, что мы тогда свиделись, а у меня почему-то этот момент вылетел из памяти. Сейчас Люда со своей семьёй живёт в Волгограде, и дай Бог моей однокласснице, чтобы у неё всё было хорошо.

Александр Карпенко. Помню его очень шустрым, подвижным, компанейским, всегда улыбающимся. Парень простой, без особенных претензий. После окончания восьмилетки учился в одном из профтехучилищ в Павлодаре, работал на ряде предприятий. Изредка наезжал в Пятерьжск, и мы тогда с ним виделись, общались. Ну, разговоры такие, что ни о чём и обо всём. Вспоминали школьные годы, касались темы будущего. К сожалению, жизнь Сашки оборвалась, причём трагически, очень рано.

Примерно в таком же возрасте, и тоже трагически, ушёл из жизни и другой наш *Александр—Ковалевский.* Самое интересное, в школе мы с ним общались мало. Сашка тоже был очень шустрым, даже где-то хулиганистым пацаном. От его проказ на грани нервного срыва бывал не один наш учитель. Его нередко удаляли с уроков, да Сашке это было только на руку—улица была его родной стихией. Я же был, так сказать, немного другого склада, больше предпочитал уединение, так как очень любил читать, и только другое любимое занятие—рыбалка—могло оторвать меня на какое-то время от книги. Так что общей компании у нас с Сашкой практически не было.

Но после прихода из армии мы не то чтобы сдружились, а как-то сблизились, что ли. Александр жил в Павлодаре, работал водителем служебного автобуса, был и таксистом. А я трудился в райцентре. Тем не менее мы виделись. Он как-то подвозил меня на своём такси в Павлодаре, когда я там был по делам газеты (конечно, бесплатно, исключив счётчик). Потом я как-то даже заночевал у него дома, тогда Сашка жил с матерью и копил деньги на кооперативную квартиру. И он бывал у меня в Железинке, когда находился в командировке, и жил у меня, кажется, пару дней, носил на руках мою маленькую тогда ещё дочку и говорил, что тоже скоро может жениться. Но всё оборвалось внезапно: Сашку кто-то смертельно ранил ножом, когда он возвращался вечером с работы в Павлодаре...

Леонид Косарев. Вот с ним я точно какое-то время дружил в школе. Мы тогда жили по соседству, часто бывали друг у друга дома, вместе участвовали в уличных играх. Случалось, что и ссорились, и даже дрались, я уже даже и не помню из-за чего. Но почти тут же мирились. Пытались поддерживать отношения и после службы в армии. Лёнька тогда уже жил в Иртышке. Но я узнал его адрес и нашёл там, и мы с ним «зависли» у него на несколько дней. Родители мои забеспокоились, приехали за мной

через скованный льдом Иртыш на санях и увезли, шибко «уставшего», домой в Пятерьжск.

А уже когда я жил и работал Экибастузе, Лёнька нашёл нашу редакцию и неожиданно возник одним из летних дней на пороге моего кабинета! К сожалению, у меня была срочная работа (надо было сдавать оперативный материал в номер), а Лёнька не мог меня ждать здесь, в редакции,—он, как пояснил, приехал на бензовозе, и ему надо было то ли загрузиться, то ли разгрузиться. Я дал ему свой адрес, и он пообещал к вечеру заскочить. Но так и не заехал. И больше мы с ним, увы, не виделись. Лёнька тоже ушёл рано, не дожив до пенсии. Ехал на работу в служебном автобусе, когда его прихватил сердечный приступ...

Николай Кутышев. Рослый для своего возраста, крепкий и шумный парень. У многих из нас были клички. Так вот, у Кольки их было аж две—Кутя и Барсик. Ну, почему Кутя—понятно: производное от его фамилии. А за что его называли ещё и Барсиком—хоть убей меня, не помню. Он был одним из немногих наших парней, кто после армии остался жить и работать в родном селе. Николай был водителем, я сварным. У нас в школе в это время появились две новые молоденькие учительницы, обе немочки. Вот за ними мы и приударили. Гуляли вечерами по деревне при луне, ходили на танцы и так далее. Правда, у нас с Валентиной ничего путного не получилось, мы расстались—я к тому времени уже жил и работал в райцентре и в родное село навещался всё реже и реже. Николай же на своей девушке Марине женился, и они впоследствии уехали в Германию. И жили там довольно долго и счастливо, о чём можно было судить по фоткам в «Одноклассниках». Но, к сожалению, сегодня и Николай уже нет среди живых.

Евгений Лежень. Симпатичный такой, совершенно бесконфликтный парнишка. С ним мы какое-то время дружили, он бывал у нас, я у них, даже уроки, случалось, делали вместе. Однажды произошла очень неприятная история—Женьку укусила наша собака. Она была на цепи, но каким-то образом дотянулась до его ноги и тяпнула. И довольно сильно—Женьку потом даже возили на перевязки в наш ФАП на санках. Но это чп не испортило наши отношения—не я же укусил Женьку! И наша дружба ещё какое-то время продолжалась.

После выпуска из восьмилетки мы все разъехались кто куда. Женька осел в Павлодаре, получил там специальность, связанную с сантехникой. И спустя несколько лет, когда я уже жил и работал в Железинке, мы с ним встретились в Павлодаре. Причём совершенно случайно: я сошёл с трамвая на остановке, и в это же время рядом остановилась аварийная спецмашина-летучка. Из неё вышли несколько рабочих. И среди них я увидел

Женьку! К сожалению, мы успели перебраться всего лишь парой фраз— он с бригадой спешил на устранение аварии. И, как оказалось, виделись мы с ним в последний раз. Через несколько лет, совсем ещё молодым, мой одноклассник ушёл из жизни из-за неизлечимой болезни...

Валерий Писегов. Отец его был танкистом во время войны, а вернувшись домой, сел за рычаги уже мирной стальной машины—гусеничного трактора—и много лет отдал земледелию. Я, кстати, став журналистом районки, даже написал о нём очерк. И Валера уже с детства увлекался механизмами. У него дома в тенистом, усаженном клёнами палисаднике, как я помню, было полным-полно самодельных сельхозмашин, изображающих трактора, комбайны, какие-то прицепные орудия. И он с увлечением ими играл, перекапывая и перепахивая палисадник. И как само собой разумеющееся, окончив школу, Валера получил профессию механизатора.

Полученные навыки он осваивал и приобретал необходимый опыт на полях Талды-Курганской области. Трудился на совесть, от души и выбился в передовые механизаторы области, о нём писали местные газеты. Володя Гончаров, который дважды его навещал (Алма-Ата ведь недалеко от посёлка Текели, где в последнее время жил Валера), рассказывает, что за достигнутые успехи его даже якобы представляли к званию Героя Соцтруда. Но что-то там не срослось—тогда ведь всё делалось по разнарядкам, и Звезду Героя отдали другому человеку, отвечающему требованиям разнарядки. Тем не менее у Валеры есть другие награды за его самоотверженный труд. Он был даже избран депутатом областного совета, а такой чести удостоиться очень непросто. Вот таким Валера Писегов и остался в памяти тех, кто его знал: целеустремлённым, трудолюбивым. Ушёл он из жизни в пятьдесят пять лет, после болезни от травмы, полученной на производстве.

Николай Таскаев. В нашем небольшом селе Таскаевых Николаев было несколько, и чтобы не путать их, им были присвоены клички, или, если хотите, псевдонимы. Были Николай Первый и Николай Второй. А моего одноклассника одно время называли ласкательно Колей Раечкиным—по имени его мамы (кстати, меня тоже называли какое-то время Хасаном—говорят, был очень похож на отца. А сейчас удивляются: до чего ж ты похож на свою маму!). Позже его переименовали в Аркашу. И совершенно не могу объяснить и не помню, почему именно Аркаша. Так мы его и называли и в школе, и после школы.

Николай был невысокий, но такой крепенький и неспешный и в разговоре, и в движениях. Тем не менее он очень азартно играл в футбол, участвовал в других подвижных играх. Учился, как это

принято говорить, средне, как и все мы, пацаны,—кто немного лучше, кто похуже. Но за усердными девчонками нам было не угнаться. После армии Аркаша тоже остался на довольно продолжительное время жить и работать в деревне. Он стал неплохим механизатором. Женился Николай на местной девчонке, красавице Абдухаковой Галине. И я был гостем у них, когда они праздновали появление на свет дочери Алёнки, и даже посвятил этому событию что-то такое стихотворное на бумаге, которую и вручил счастливым молодым родителям.

Общались мы с Николаем довольно часто, когда я приезжал на выходные из райцентра в деревню, и я сохранил о нём самые тёплые воспоминания. Он переехал с семьёй на Тюменщину, по-моему, в Нефтеюганск. Там и остался навсегда.

Геннадий Шаламов. Мы теперь с ним в некотором роде родственники: мой младший брат Рашит ещё в семидесятые женился на дочери его дяди, Светлане Шаламовой. Но в этом качестве мы так и не пообщались: Генка к тому времени уже жил и работал на Кубани, и если и наезжал иногда в наш Пятерыжск, я его не видел, так как сам в то время жил в райцентре, а ещё несколько лет спустя—в Экибастузе. Но однажды приехал навесить родителей в родное село и был огорошен печальной вестью: Геннадия только что похоронили. Как раз шли поминки, я выразил соболезнования Генкиной жене Амалии, его пятерыжской родне, ну и выпил стопку-другую за помин души своего одноклассника. Он работал водопроводчиком или что-то типа этого, и когда устранял течь в трубе, его неожиданно завалило грунтом, обвалившимся в траншею.

В сознании никак не укладывалось, что Генки больше нет. Озорного, заводного, не боявшегося самому устраивать или участвовать в различного рода проказах и шкодах. Его растила только мама, тётя Вера, и ей непросто было с ним. Хотя она порой и не стеснялась в средствах воспитания. Помню, как-то Генка приладил к столбу проволочную петлю, просунул в неё ногу и захотел взобраться с её помощью до самого верха (кстати, многие из нас это делали—так, забавы ради). Но Генке в тот раз не повезло. Взобравшись на высоту где-то метра полтора-два, он сорвался и повис на этой самой петле вниз головой. Находившиеся рядом пацаны не знали, как его снять. Кто-то пошёл звать взрослых. И первой прибежала тётя Вера, с хворостиной в руках. И пока мужики разыскивали и подтаскивали лестницу, она хорошо отходила своего непутёвого сына этой самой хворостиной. Конечно же, Генка на какое-то время успокоился. Но ненадолго—его сущность, наполненная кипучей энергией, не терпела скуки. Кстати, Геннадий стал прототипом героя одного из моих рассказов—«Нож».

Ну и, наконец, *Таисия Чабан*. Извини, Тасенька, что я замыкаю тобой эти нехитрые заметки о своих одноклассниках и одноклассницах. Но тут всё по-честному, по алфавиту, как и я предупреждал выше. Хотя ты для меня была и остаёшься одним из лучших одноклассников. Всегда весёлая, отзывчивая, добрая, да к тому же привлекательная—не совру, если скажу, что Тасе симпатизировал весь наш класс.

У неё были замечательные родители. Про её отца, дядю Андрея, отважного и решительного бойца-фронтовика, я как-то даже написал—сначала в нашей районной газете, потом в областной, ну и сейчас ещё где-то в сети можно найти небольшой очерк под названием «Фронтовики», в котором фигурируют он и ещё один участник войны. А с её братом Василием мои родители жили через стенку в двухквартирном доме и хорошо ладили между собой как соседи.

После школы Тася сама стала преподавателем, уже называлась Таисия Андреевна, жила и работала учительницей в одном из крупнейших сёл Железинского района—Михайловке, кстати, также в своё время бывшей райцентром. С Тасей мы общались иногда, когда встречались в Пятерыжске: она—правда, редко, всё же больше сотни километров надо было проехать,—приезжала навестить своих родных. Никогда не забуду, как

она однажды приютила меня у себя в Михайловке на денёк, когда я приезжал туда в командировку. У меня было место в гостинице, но Тася сказала: к нам, и никаких. Посмотришь, как я живу, поговорим. Меня тогда в её семье замечательно приветили.

А сейчас мы с ней, да ещё Вова Гончаров—единственные из соучеников, кто продолжает довольно активное виртуальное общение в «Одноклассниках». Тася периодически навещает Пятерыжск (ей это сравнительно недалеко, живёт сейчас в Павлодаре), и как я радуюсь, когда она выставляет фотографии с видами родных мест!

Ну вот, я хоть немного, но рассказал обо всех своих одноклассниках. Да, мы не стали большими людьми, какими-то большими руководителями или светилами наук. Но почти все из нас успели выполнить своё предназначение на этой земле—сами жили нормально, с пользой для страны и безвредно для окружающих, и дали жизнь своим детям, дождались внуков. А это уже немало.

На снимке: мы уже в четвёртом классе, все—пионеры! В центре—наша учительница Елизавета Михайловна Маковенко (она же впоследствии директор нашей школы). Автор этих строк—в верхнем ряду второй слева.